

Я опоздала на самолет, проспала время звонка режиссеру из гостиницы.

Нынешний рулевой «Ложа» Константин Галдаев выглядел автором: за час до моего визита он вместе с машиной ушел в кювет. Все обошлось, но голова у Галдаева болела. К тому же представило объяснение с хозяйном машины.

— А, это вы, — сказал он. — Я звонил вчера в гостиницу мне сказали, что вы не приехали. И вообще я был уверен, что это какая-то шутка.

То есть Костя и его жена Лена разговаривали со мной по телефону, советовали гостиницу, но думали, что я — призрак. Что кто-то их так нехорошо разговаривает: мол, едем в гостю к вам.

Потому что и фестиваль NET обещал, что позовет, и в «Коммерсанте» написали, что новый спектакль «Ложа» «Планиета неведомых сил добра» едет на Венский фестиваль. И все это было неправдой.

Актеры «Ложи» Женя Сытый и Сергей Населкин как раз сидят под кафе и зрительном зале. Актер Саша Белкин вытирает со столов сушеные крошки и ломаные вчерашние нашки: если прибавить к тысячной ставке студенческого театра прибыль с театрального кафе (кофе — 5 рублей, мороженое — 20), как

никогда пантомимы. Рита, 1989». «Комитет по делам молодежи правительства Свердловской области награждает стереомагнитофоном коллектив театра «Ложа» за создание островременного авторского спектакля «Титаник» с ярко выраженной гражданской позицией. 1993».

Всегда в эту атмосферу музея добавляют развешанные по стенам законо-красные электротаргара «Углы, розовый каноп «ГАЗ» под потолком, проигрыватель «Эстония-2» с кнопками «речь», «лазка», «соло», но все равно заканчивается все маленьким платфоном с обломанной обложкой пластинки Бернеса и чернильной написью поверх — «Гришковец». Поделать с этим решением покинутости ничего нельзя.

Два месяца назад «Титаник» с обновленным составом актеров собрал на фестивале NET в Москве восторженную прессу. Гришковец уехал на Осенний фестиваль в Париж. «Ложа» читит протекшей в августе потопок и играет спектакли по пятицифрам и суботам по 50 рублей за билет — «Милте», «По Плу», «Уютный бассейн», «Планиета неведомых сил добра», «Все белое», «Мы пляшем», «Плохой спектакль».

На «Плохом спектакле» зрителям раздают помидоры и велит бросать в артистов.

ЗАКОН

раз подучается по три с чем-то тысяча на брата — средняя кемеровская зарплата.

Они так давно живут — 12 лет. Нигде больше не работают. Берегут свою студию. Не ходят в местный драматический театр с колоннами. «Гадость это с ножаками», — говорят. Гордятся отсутствием ларьков и признают только школу Гришкова. Штупный световословой Населкин так и говорит: «Актёра во мне раскопал Желя».

Камера кубасского телевидения это записывает, Населкин идет играть спектакль Милте.

Сначала, в 1989-м, появился мим-театр «Мимикол» — Евгений Гришковец и Сергей Венер. Потом уже народ прибавлялось, к пантомиме добавили диалогов — получились «Ложа».

Дипломы разных конкурсов висят теперь в кафе на стенке под стеклом. «Участники театра пантомимы «Мимикол» Е. Гришковцу за бескомпромиссное использова-

Народ сначала стесняется, а потом жалуется, что помидорок дали мало. Стул надо принести самому из кафе. Больше 80 желанием покидаться в зал не влезает.

Спектакль Милте не ослез взрослая интеллигенция Кемерова видела уже раз десять, но готова ржать еще. Населкин товарищам находится в хорошо раскованном состоянии. Особенной популярностью пользуются «Малышские трагедии», поставленные в халле «Корчова», и трексерийный мимикоспектакль «Русская душа».

— Хорошая музыка. Сам написал? — спрашивает Сальер (Женя Сытый) у Мошара (Саша Белкин), забирая флейту и приобщаемая его за шею.

— Короче, подем вылезть? — В «Русской душе» Сытый играет на гармошке, перепоясанный кулаком золотой Населкин сначала плячет, хватается за сердце, делует взасос гармониста. Потом пляшет во

Евгений ГРИШКОВЕЦ: О чем бы еще было детство в котельной и почему мы пока не выжили

У нас в Кемерове живут родственники, у которых, когда я был маленьким, был «Запорожец». Такого яркого, радостного и светлого салатового цвета. Не горбатый, а ушастый. Я его просто обожал. Считал, что это самая замечательная машина на свете — самая крутая, лучше просто быть не может. На этом «Запорожце» мы все летом ездили за грибами. И большей радости, чем утром в субботу стоять у окна и ждать, когда появится машина, у меня не было. И вот «Запорожец» появился, мы спустились вниз, я сидел за руль и нажимал кнопку сигнала — бибикал. Открывался багажник, туда ставили корзины, у меня был свой личный ножик для грибов, но главным в этом дне была поездка на автомобиле. На обратном пути я в машине засыпал и сейчас эти моменты разговоров вспоминаю. Это очень счастливые воспоминания

Из архива театра «Ложа»

МЕЛЬПОМЕНА: ТАЙГА

потери ног, снова несут. В третьей серии под руки уполз самого гармониста, зашедшего в странном крике.

У Жени Сытого папа — шашер. Первые годы Женин папа актерства, когда у него спрашивали, чем его сын занимается, папа шептал и отвечал: «Клован е.ный». Сейчас прыжок.

Их спектакли отлично бы смотрелись в клубах. Как «Шоколадный Пушкин» Петра Мамонова или «Москва — открытый город» Центра Рошина и Казанцева. «Петр интеллектуальный клоуналы» — написали на перископах арфаха «Ложи» в 1991 году, и определение это верное. Но эти ребята ни черта не понимают в раскрутке.

— «Ложа», важа, лужа, ложка и лежа. И прокрустово ложе еще, — помог мне Галдаев задать главный вопрос. Я хотела спросить что-то типа: «А что вы делаете для того, чтобы стать театром, интересным сами по себе, а не как товарищи по играм Е. Гришкова?». То есть я хотела уточнить, как у них насчет предательства. Не хоти ли они использовать момент, высвет сейчас на имени Гришкова, чтобы потом р-раз — и начать делать что-то новое, своим путем. Не слезть по фестивалю безбашенно, а действительно с грамотным администратором и пролюсером развернуться, пока...

Автор: Эй, Бура, ты спиши, и тебе влажесно бушевать. Бушуй довай!

Бура. Показываю, автор, меня кто-то ударил по шее, я больше не могу. Я шиплю теперь.

Из спектакля «Мы пляшем».

— Саш, там что-то лампочка перегорела. Я не знаю на своем деле, — поморщился и прикурнул от презыдушей «Литгет Дукач» Галдаев, который только что закончил сн-

мать, стулья со столов. — От Кемерова до Москвы — четыре тысячи километров, а яплае еще очень хорошо полюбуют, прежде чем позвать куда-то восьмью ртом, и годные все. — Он засмеялся. Я признаю свою вину. На фестивале с кем-то недоуваживаю, недолюбил. Неопытность.

У нас хорошие отношения с новосибирским театром «Красный факел», вроде как договорились о гастролях. Они, правда, недавно прислали рассылку: «В театре «Красный факел» случился пожар. Помогите, кто чем может».

Тут Галдаев извинился и пошел на спектакль. В этот вечер давали «Мы пляшем» — самый первый спектакль «Ложи», 1991 года. Это была чистая, как слеза, самшеальность. С незмысловатым светом и очень трюмной фототрагедией, которая в моменты затенения задувала гудение переключателей старого светового пульта. Программок не было, участников просто объявили перед началом. Роль Магросса, которого раньше играл Гришковец, теперь играет очкавый и стрижено юный Андрей Сузов. Костя говорит «самыеительность» хлупт сказать плизнее слово. А тут понаравилось ужасно. Стоит хорониться в берлоге, если в ней такой зловонный климат.

— Ну как? — спросил меня после спектакля побрызгав под шкипер Сытый, который до этого два дня молча смотрел в мою сторону.

Понаравилось. Правда, — улыбунался полимеризм ртом.

— Нормально. Кофе хочешь?

Жители Кемерова не знали, где находится театр «Ложа», но все-таки седьмой корпус политеха нашлся. На втором этаже кирпичной коробки с железным неприютным предбанником и потемким красной на черном «Опомнитесь!» вместо «Велкам» живет «Ложа» — студенческий театр при Политехническом университете, который в начале 90-х Евгений Гришковец

Театр «Ложа» - 2002: Саша Белкин, Лена Галдаева, Сергей Населкин, Женя Сытый, Костя Галдаев, Андрей Сухий

● Екатерина ВАСЕНИНА Кемерово—Москва

Екатерина ВАСЕНИНА